

О мусульманской редакции хроники Агапия Манбиджского и арабском варианте *Testimonium Flavianum*

Арабская рукопись «Китаб ал-‘Унван», излагающая мировую историю с библейских времен до середины VIII века, является, по всей видимости, переводом утраченного сирийского оригинала исторической хроники Агапия Манбиджского (X в.). Об этом свидетельствует, помимо прочего, передача некоторых имен, в частности, Иисуса Христа и Иоанна Крестителя. Имя *أيسوع*, стоящее в арабском тексте, повсюду калькирует сирийское *ܝܫܘܥ*, тогда как кораническое и вообще мусульманское обозначение Иисуса: *عيسى*. Точно также имя *يوحنا* в арабском тексте передает подобное же имя в сирийском языке (кораническое имя Иоанна Крестителя: *يحيى*). Это могло произойти в том случае, если произведение переводилось с сирийского языка, причем переводчик не потрудился найти или не учел, что у этих имен имеются арабские эквиваленты.

Впрочем, среди исследователей нет общего мнения о первоначальном языке «Китаб ал-‘Унван». Ш. Пинес не исключал того, что Агапий написал свой труд по-арабски, пользуясь при этом сирийскими источниками¹. Теоретически допустимо, что сам епископ Манбиджа, излагая хронику на арабском языке, сохранял в данном случае сирийское произношение этих имен, как, например, поступил цитировавший Агапия арабоязычный коптский летописец ал-Макин (1205–1273). Окончательный вывод о первоначальном языке хроники Агапия можно сделать лишь после историко-филологического исследования всего труда в целом. Для настоящей темы важно другое обстоятельство: то, что хроника Агапия копировалась и имела хождение в мусульманском мире. Это обстоятельство является несомненным, поскольку на Агапия ссылались мусульманские авторы ал-Мас‘уди (ум. 956)² и Ибн Шихна Мухибб-ад-Дин (ум. 1485). В заглавии первой части хроники (Синайская рукопись) Агапий представлен как «муж, украшенный чрезвычайной мудростью, увенчанный различными видами философии, прославленный знаток наук»³. Подобные обороты характерны для средневековой мусульманской литературы.

Дошедшая до нас рукопись «Китаб ал-‘Унван», в частности, вторая ее часть (Флорентийская рукопись) представляет собою список XIV

¹ *Pines Sh.* An Arab Version of the *Testimonium Flavianum* and its Implications. Jerusalem, 1971. P. 31, 33, n. 128.

² «Лучше книги мелькитов, которые я видел, об истории царей, пророков, народов и стран, — это книга Махбуба (Агапия) ибн Кунстантина ал-Манбиджи и книга Са‘ида ибн ал-Батрика ал-Мисри» (Мурудж аз-захаб; Ed. C. Barbier de Meynard, vol. IX, p. 340).

³ *Kitāb al-‘Unvān*. Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbigj. Ed. A. Vasiliev. Part. I (1) P. 9 // *Patrologia Orientalis*, V. Part. I–II. Paris, 1912 (в дальнейшем: изд. А. Васильева). См. также: *Розен В. П.* Заметки о летописи Агапия Манбиджского // Журнал министерства народного просвещения, 1884, янв., 2, 231. С. 51–52.

или XV века⁴, сделанный, как сказано в титуле: «Са‘идом ибн Абу-л-Бадром Йуханной ибн ‘Абд-ал-Масихом, — до помилует Бог его, и его родителей, и его предков, и [всех] сынов крещения (=христиан)» (изд. А. Васильева, II, 459 [3]). Очевидно переписчик этот принадлежал к арабоязычному христианскому семейству, вероятно, сирийского происхождения⁵. Но из этого не следует, что к Са‘иду ибн Йуханне труд Агапия не мог попасть через руки мусульманских переписчиков. Последнее становится весьма вероятным, если учесть предшествующий достаточно длительный период вращения труда Агапия в мусульманской среде⁶.

В своей работе, посвященной исследованию арабского варианта «свидетельства Флавия», содержащегося в хронике Агапия, Ш. Пинес указал на множество неточностей и ошибок арабских переводчиков и переписчиков «Китаб ал-‘Унван»⁷. При этом израильский исследователь нередко превращался в редактора и производил исправление арабского текста в соответствии с выдвинутой им версией об оригинальном происхождении варианта «свидетельства», приведенного Агапием. Это желание во что бы то ни стало «выправить» арабскую рукопись в тех местах, где она не соответствует собственным установкам, показательно само по себе. Оно прямо наводит на мысль, что и те, кто переводил и копировал хронику Агапия на протяжении веков, могли иметь такое же желание и свои особые установки. По крайней мере, совершенно определенно можно говорить об этом, когда в хронике встречаются христологические пассажи. Вряд ли хоть кто-то из переводчиков и копиистов оставался вполне равнодушным к этой теме. Учитывая большую вероятность того, что сохранившаяся рукопись «Китаб ал-‘Унван» прошла в свое время через руки мусульман, поставим вопрос: носит ли она следы мусульманской редакции? В данном случае речь идет не об ошибках и неточностях, а о вполне сознательных исправлениях, внесенных в текст хроники епископа Манбиджа.

То, что христианские сказания, попав на мусульманскую почву, подвергались соответствующей обработке и видоизменялись, — не новость. Известно и то, что цитируя и пересказывая христианские источники, мусульманские авторы предпочитали обходить те места, которые были не согласны с учением Ислама. Вот как, например, ал-Мас‘уди представляет содержание Евангелий: «Матта, Йуханна, Маркуш и Лук были четырьмя апостолами, которые написали Евангелие (انجيل) и рассказали о истории Мессии, — о его рождении, о крещении, которое он принял от Йахьи, сына Закарии, то есть от Йахьи Крестителя, в озере Табарийи. В этой книге также описаны необычайные чудеса, совершенные Мессией, и его преследование иудеями, и, наконец, его вознесение [на небо] в возрасте тридцати трех

⁴ Васильев А. Агапий Манбиджский, христианский арабский историк X века // Византийский временник. Т. 11; вып. 3–4. СПб., 1904. С. 579–580.

⁵ По-гречески имя переписчика звучало бы как «Евтихий, сын Иоанна, сына Христула».

⁶ Хроника Агапия, напомним, была написана ок. 941 г. См: Розен В. Р. Указ. соч. С. 47–75; Васильев А. Указ. соч. С. 580.

⁷ Хотя некоторые неточности и ошибки, указанные Ш. Пинесом, могут быть мнимые. В частности, кажется необоснованным исправление Ш. Пинесом в арабском тексте названия труда Иосифа Флавия, из которого берется Testimonium.

лет. Сверх того, Евангелие сообщает много подробностей о Мессии, Марьям и Йусуфе плотнике; но мы не должны веровать в то, что ни Аллах, ни наш пророк Мухаммед не сообщили нам [в Коране]»⁸.

Как уже говорилось, ал-Мас‘уди был одним из тех мусульманских авторов, который широко использовал данные хроники Агапия Манбиджского. Уже в середине X столетия, немногим после своего появления, хроника эта привлекла внимание мусульман. Поэтому нельзя исключить и того, что самый ее текст, вращаясь в мусульманской среде, тиражируемый мусульманскими копиистами, подвергался исправлениям согласно с вероучением Ислама.

Уже по титулам двух частей хроники можно судить о степени мусульманского участия в ее обращении. Первая часть (Синайская рукопись) начинается с традиционного мусульманского славословия Аллаху (изд. Васильева, I, с. 9), тогда как вторая часть (Флорентийская рукопись) сохраняет в титуле христианскую формулу «во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», правда, достаточно искаженную в арабской передаче: رحمه الله ورحم الديه واسلافه ونبي المعمودية (изд. А. Васильева, II, с. 459 [3]). Первая часть хроники заканчивается рассказами о правлении Ирода Великого, рождении Христа, поклонении волхвов (магов), правлении Тиберия Кесаря, казни Иоанна Крестителя и начале деятельности Иисуса. Вторая часть начинается с этих же рассказов: вновь говорится о правлении Ирода Великого, рождении Христа и т. д., однако материал излагается несколько иначе, а также опускаются некоторые эпизоды, в частности, рассказ о казни Иоанна Крестителя. Писал ли так сам Агапий? Или же мы видим результат последующей редакции его труда?

Редактирование первоначального текста скорее всего можно обнаружить в тех пассажах «Китаб ал-‘Унван», которые хорошо известны христианской историографии, имеют прямые параллели в сирийской христианской литературе и принадлежат той же традиции, к которой относится и сочинение Агапия. Но прежде чем приступить к этому, необходимо рассмотреть, насколько хроника Агапия соответствует сирийской историографической традиции в целом. Источниками Агапию послужили, по его словам, «священные книги и книги мудрецов и философов». В своей хронике он ссылается на Иосифа Флавия и Флегона, на христианских писателей Юлия Африкана, Евсевия Кесарийского, Иоанна Грамматика и др. Однако вряд ли Агапий читал труды этих авторов в оригинале. Скорее всего он пользовался сирийскими переводами или даже выдержками и пересказами, находящимися в сочинениях предшествовавших ему сирийских авторов. Это видно из того, что все ссылки и цитаты Агапия вполне традиционны; это те же самые ссылки и цитаты, которые приводят и другие сирийские авторы. Рассказывая о мусульманском периоде истории Ближнего Востока, Агапий указал, что заимствовал данные из сирийской хроники Феофила Эдесского (VIII в.), ныне утраченной. Она и подобные ей сирийские сочинения, вероятно, и были подлинными источниками Агапия.⁹

⁸ Мурудж аз-захаб; Ed. С. Barbier de Meynard, vol. I, p. 122.

⁹ Панченко К. А. Источники летописи Агапия Манбиджского по VII–VIII вв.

Для сравнения с хроникой епископа Манбиджа мы привлечем соответствующие исторические труды Михаила Сирийца (1126–1199)¹⁰ и Абу-л-Фараджа (Бар Эбрея; 1226–1286)¹¹, написанные на сирийском языке. Ряд эпизодов, приводимых Агапием, встречаются в сирийском сочинении VII в. «Учение Аддая апостола»¹². В нашем распоряжении также сирийский перевод «Церковной истории» Евсевия Кесарийского¹³, послуживший основой сирийской христианской историографии, равно как греческий оригинал — для христианской историографии в целом.

В рамках настоящего исследования ограничимся тем хронологическим периодом, который соответствует земной жизни Христа и к которому относится основная часть христологических пассажей. В первом столбце предлагаемой ниже таблицы перечисляются следующие один за другим эпизоды, а в следующих столбцах показано их наличие в соответствующих хрониках.

Эпизоды	Араб. Агапий	Михаил	Бар Эбрей
Перепись Квириния. Год рождения Христа	+	+	+
Поклонение волхвов	+	+	+
Свидетельство Лонгина	+	+	+
Переписка Августа с Иродом Великим	+	–	–
Кончина Ирода. Смерть Августа	+	+	+
Тиберий Кесарь. Назначение Пилата	+	+	+
Возмущения иудеев при Пилате	–	+	+
Год смерти Христа: памятные даты	+	+	+
Свидетельство Флегона	+ ¹⁴	+	–
Свидетельство Урсинуса	+	+	–
Свидетельство Иосифа Флавия	+	+	–
Первосвященники времени Иисуса	+	+	–
Легенда об Абгаре:	+	+	+
– портрет Иисуса	+	+	+
– письмо Абгара и ответ Иисуса	+	+	+
– письмо Абгара Тиберию Кесарю	+	–	+
– ответ Тиберия Кесаря	+	–	–
– проповедь Фаддея в Эдессе	+	+	+

Таблица показывает, что большинство эпизодов, приводимых Михаилом Сирийцем и Бар Эбреем, присутствуют также и у Агапия. Точнее говоря, за исключением лишь одного эпизода — возмущений иудеев при Пилате — все встречаемое в сирийских хрониках, содержится также и в арабской хронике Агапия. Более того, по таблице видно, что материалы эти, принадлежащие несомненно одной и той же историографической традиции, наиболее полно представлены именно у Агапия, а некоторые находятся только у него (как, например, переписка Августа с Иродом Великим и письмо Тиберия Кесаря Абгару).

¹⁰ *Michel le Syrien. Chronique. Ed. et trad. en franz. par J. B. Chabot. Vol. I. Paris, 1899. Vol. IV. Syriac text. Paris, 1910.*

¹¹ *Abu-l-Faraj (Bar Hebraeus). The Chronography. Ed. W. Budge. Vol. 1–2. Amsterdam, 1976.*

¹² *Phillips G. Doctrina Addaei, the Apostle. London, 1876.*

¹³ *The Ecclesiastical History of Eusebius in Syriac. Ed. Wright & McLean. Cambridge, 1898.*

¹⁴ Частично, ибо рукопись в данном месте повреждена.

Указанная историографическая традиция является особой традицией, принадлежащей только сирийским христианам. Некоторые эпизоды и сюжеты этой традиции (как, например, свидетельства Лонгина, Урсинуса, переписка Августа и Ирода) отсутствуют в греческой (=византийской) и латинской церковной историографии. Нет их и в сирийском переводе «Церковной истории» Евсевия. Хотя легенда об Абгаре, получившая известность благодаря данному труду Евсевия, была распространена во всем христианском мире, именно у сирийских христиан она пользовалась особенной популярностью, поскольку являлась важной частью их собственной истории. Сирийские историки (а также армянские, как, например, Моисей Хоренский) традиционно помещали ее в своих хрониках. В сирийском «Учении Адаия апостола» легенда об Абгаре была расширена и снабжена новыми подробностями.

Итак, принадлежность хроники Агапия к сирийской христианской традиции несомненна. Можно даже установить, что хроника Агапия отражает эту традицию наиболее полно. Поэтому есть все основания предполагать, что христологические пассажи труда Агапия сохраняли или, по крайней мере, должны были бы сохранять традиционные выражения и формулировки, находящиеся в соответствующих пассажах у Михаила, Бар Эбрея и в других сирийских сочинениях, воспроизводящих ту же традицию.

Теперь сравним некоторые фрагменты сирийских хроник с соответствующими фрагментами арабской хроники Агапия. Для настоящей темы наиболее показательна упомянутая легенда об Абгаре, и, в частности, апокрифическое письмо Абгара к Иисусу, полностью приводимое Агапием и Михаилом, и, частично, Бар Эбреем. В сирийскую христианскую литературу этот документ вошел посредством перевода «Церковной истории» Евсевия. Любопытно, что в данном случае был совершен обратный перевод, поскольку Евсевий утверждал, что перевел этот архивный документ с сирийского языка (*ἐκ τῆς Σύρων φωνῆς*).

Письмо Абгара к Иисусу Евсевий. Церковная история, I, 13, 6–8

"Αβγαρος Οὐχαμα τοπάρχης Ἰησοῦ σωτῆρι ἀγαθῶ ἀναφανέντι ἐν τόπῳ Ἱεροσολύμων χαίρειν. ἤκουσται μοι τὰ περὶ σοῦ καὶ τῶν σῶν ἰαμάτων, ὡς ἄνευ φαρμάκων καὶ βοτανῶν ὑπὸ σοῦ γινομένων. ὡς γὰρ λόγος, τυφλοὺς ἀναβλέπειν ποιεῖς, χωλοὺς περιπατεῖν, καὶ λεπροὺς καθαρῖζεις, καὶ ἀκάθαρτα πνεύματα καὶ δαίμονας ἐκβάλλεις, καὶ τοὺς ἐν μακρονοσίᾳ βασανιζομένους θεραπεύεις, καὶ νεκροὺς ἐγείρεις. Καὶ ταῦτα πάντα ἀκούσας περὶ σοῦ, κατὰ νοῦν ἐθέμην τὸ ἕτερον τῶν δύο, ἢ ὅτι σὺ εἶ ὁ θεὸς καὶ καταβὰς ἀπὸ τοῦ οὐρανοῦ ποιεῖς ταῦτα, ἢ υἱὸς εἶ τοῦ θεοῦ ποιῶν ταῦτα. διὰ τοῦτο τοίνυν γράψας ἐδεήθην σου σκυλῆναι πρὸς με καὶ τὸ πάθος, ὃ ἔχω, θεραπεῦσαι. καὶ γὰρ ἤκουσα ὅτι καὶ Ἰουδαῖοι καταγογγύζουσί σου καὶ βούλονται κακῶσαί σε. Πόλις δὲ μικροτάτη μοί ἐστι καὶ σεμνή, ἥτις ἐξαρκεῖ ἀμφοτέροισ.

От Абгара Черного — Иисусу целителю, явившемуся в Иерусалиме. Я слышал о Тебе, о науке врачевства, которой Ты великолепно владеешь, об исцелениях больных и расслабленных без лекарств и трав. Мое изумление велико, и радость моя безгранична. И я сказал сам себе: одно из двух: либо Ты Бог, либо Сын Божий, если творишь такие дела. Я прошу Тебя соизволить пожаловать ко мне и исцелить мой недуг. До меня дошло также, что иудеи собираются убить Тебя и предать Тебя распятию. Город мой приятный и красивый, и его хватит для нас двоих. Ты будешь тут в спокойствии, достатке и безопасности, и если Ты согласишься на то, о чем я прошу, то сделай [это], и я исполнюсь радости от того, что Ты сделаешь.

Сравнение этих параллельных пассажей показывает, что Михаил Сириец, писавший позже Агапия, в большей степени сохранил первоначальный текст письма Абгара, как он приведен в «Церковной истории» Евсевия. В арабской хронике Агапия текст этого письма несколько сокращен. В частности, сокращен перечень исцелений, творимых Иисусом. Указание на слепых, хромых, прокаженных и одержимых заменено кратким – «больных и расслабленных». Далее в арабском варианте опущено указание на воскрешение Иисусом мертвых. Опущение этих слов нельзя с уверенностью приписать мусульманским переписчикам (редакторам) труда Агапия; во всяком случае, вряд ли это было сделано намеренно, поскольку данная фраза не противоречит мусульманскому учению об Иисусе: об оживлении им мертвых говорит и Коран (3:49; 5:110).

Более важное различие между сирийскими вариантами, с одной стороны, и арабским вариантом, с другой, отмечается в первом предложении цитаты, в обращении Абгара к Иисусу. Слова $\kappa\alpha\iota \kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ («Спасителю благому») в сирийском переводе «Церковной истории» точно отражают греческие слова: $\sigma\omega\tau\eta\rho\iota \acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{\omega}$, стоящие в оригинале этого сочинения. Михаил Сириец передает просто: $\kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ – «Спасителю». В арабском же варианте в этом месте мы находим слово المنطبيب («целителю, врачу»), что никоим образом не может быть эквивалентом сирийского $\kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ или $\kappa\alpha\iota\kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota$. Стоит заметить, что сам Агапий утверждает, что заимствует историю об Абгаре из «Церковной истории Евсевия» (очевидно, в сирийском переводе). Поэтому невозможно представить, что епископ Манбиджа мог лишиться Христа его специфического титула и низвести его до положения целителя, пусть даже необыкновенного. Остается полагать, что это было сделано мусульманскими переводчиками или переписчиками.

Ни в одном другом варианте письма Абгара, включая сохранившиеся папирусные тексты и эпиграфические памятники¹⁵, нет ничего похожего на обращение к Иисусу как к «целителю». У Георгия

¹⁵ Текст письма Абгара к Иисусу широко использовался в качестве амулета или талисмана. Е. Н. Мещерская не исключает, что «сам строй письменного обращения Авгара к Христу сложился не без влияния древних заклинательных молитвенных текстов». См.: *Мещерская Е. Н.* Легенда об Авгаре и апотропеические тексты на греческом языке // Палестинский сборник, вып. 26 (89). С. 104.

Амартола, Георгия Кедрена, Константина VII Порфирогенита¹⁶ в соответствующем месте, как и у Евсевия, стоит «Спасителю благому»; в «Истории Армении» Моисея Хоренского (ок. 410–490) — «Иисусу Спасителю и благодетелю»¹⁷. В латинских вариантах этой легенды Абгар обращается к Иисусу: «Господи Иисусе», так же как и в древнерусском варианте: *слышано ми бысть о тебе, Господи*¹⁸.

Обычно в тех случаях, где сирийские хроники титулуют Иисуса Спасителем (ܚܘܨܝܢܐ), в соответствующих местах арабской хроники Агапия значится: سيِّدنا المسيح — «господин (или: Господь) наш Мессия»¹⁹. Лишь в одном месте в первой части хроники (Синайская рукопись) представлена полная христианская формула: «Господь и Спаситель (مخاضنا) наш Иисус Мессия»²⁰. Однако в данном случае, когда обращение «Спаситель благой» вложено в уста Абгара, мусульманский переписчик (редактор) труда Агапия затруднился поставить обычное سيِّدنا المسيح, а также слишком христианское مخاضنا, но нашел другой термин, который, согласно его представлению, должен был бы употребить не-христианин, благоговейно относящийся к Иисусу. Тем самым мусульманский переписчик (редактор) выразил свое собственное отношение к основателю христианства.

Обращает на себя внимание опущение в арабском варианте слов «сошедший с неба» в четвертом предложении: *«либо ты Бог, сошедший с неба»*. Кажется, эти слова не могут устроить мусульманина, усвоившего коранические указания: «ведь Мессия ‘Иса, сын Марйам, — только посланник Аллаха и Его слово, которое Он вложил в Марйам, и дух Его» (4:171), «всякий, кто в небесах и на земле, приходит к Милосердному только как раб» (19:93), «он только раб, которому Мы даровали милость» (43:59). Возможно слова «сошедший с неба» опущены сознательно. И все же в арабском варианте сохранена суть представлений Абгара об Иисусе: *«либо ты Бог, либо Сын Божий»*, — взгляд, безусловно ошибочный с мусульманской точки зрения. Следовательно, если в арабском варианте письмо Абгара и подверглось мусульманской редакции, то редакция эта была частичной, выборочной.

* * *

Проводимое нами исследование позволяют по-новому взглянуть на арабскую версию «свидетельства Флавия». Нет нужды заниматься здесь детальным разбором сирийских и арабских вариантов Testimonium’a, поскольку это прекрасно сделал Ш. Пинес. Зададимся вопросом: не произошло ли с арабским вариантом «свидетельства» нечто подобное тому, что произошло в рассмотренных выше случаях?

¹⁶ PG T. 110. Col. 381; T. 113. Col. 424; T. 121. Col. 344.

¹⁷ Перевод Н. О. Эмина, 1893. Так же переводит эту фразу и Г. Саркисян, 1990.

¹⁸ *Egeria. Itinerarium peregrinationis*, XIX 9. Памятники отреченной русской литературы. Изд. Н. Тихонравова. Т. 2. СПб, 1963. С. 13. См. также: *Мещерская Е. Н.* Легенда об Авгаре — раннесирийский литературный памятник. М., 1984. С. 227–230.

¹⁹ В мусульманской традиции «Мессия» (المسيح) — не титул, а другое имя пророка ‘Исы.

²⁰ Изд. А. Васильева, I, 131 [259].

На примере приведенного отрывка мы видели, что арабская хроника Агапия носит следы мусульманской редакции, которая выражается в:

- 1) исключения отдельных фраз и целых предложений;
- 2) видоизменении традиционных христианских формул;
- 3) замене некоторых слов и терминов.

Как и в указанных выше случаях представляется, что в оригинале труда Агапия (не важно, сирийском или арабском) приводимый Testimonium в общем и целом соответствовал традиционной церковной цитате и не очень отличался от вариантов, находящихся в сирийской христианской литературе. Изменения цитата Агапия претерпела, попав на мусульманскую почву. Прежде всего это относится к исключению из «свидетельства» ярко выраженной христианской фразы: «если можно назвать Его человеком [а не Богом]». Исключение этой фразы вполне объяснимо с точки зрения мусульманского редактора, исправившего, как мы видели в другом месте, «Спаситель» на «целитель». Точно так же объяснимы вполне вероятные операции, произведенные в той части «свидетельства», где говорится о явлении воскресшего Иисуса. Мусульманский редактор постарался придать этой фразе такой вид, чтобы она не звучала как утверждение. В то же время у него не было необходимости устранять эту фразу совсем. Мусульманские богословы не исключали того, что Мессия 'Иса мог являться своим близким после своего мнимого распятия и даже после вознесения. Ссылаясь на христианские предания, ат-Табари рассказывает в своей «Истории», что уже будучи взятым на небо, 'Иса на короткое время был послан Аллахом на землю, чтобы передать Марии Магдалине повеление собрать апостолов и послать их по миру «вестниками Аллаха» (Тарих, II, 24).

Сложнее объяснить исключение (если оно имело место) из «свидетельства Флавия» указания на творимые Иисусом чудеса, — тех слов, которые в сирийских вариантах звучат как ܘܗܘ ܥܘܫܐ ܥܘܫܐ ܥܘܫܐ — «Он творил удивительные дела». Никакой надобности устранять эту фразу у мусульманского редактора не было. Как мы уже отмечали, о сотворенных Иисусом чудесах говорится в Коране. Мусульмане всегда признавали в Мессии 'Исе великого чудотворца. С другой стороны нужно отметить, что указанная фраза присутствует в большинстве известных нам вариантах Testimonium'a, в том числе в нетрадиционных вариантах, приводимых Псевдо-Гегесиппом, Иеронимом, Созоменом, Кедреном и Михаилом Гликой. Трудно поэтому представить, что этой фразы не было в оригинале труда Агапия. И все же в длинном списке вполне христианских вариантов «свидетельства» имеется одно показательное исключение: это цитата, приводимая Бар Эбреем в сочинении «Подсвечник святилища» (Minoret qūdsē). В ней также отсутствует упоминание о творимых Иисусом чудесах, хотя во всем остальном воспроизводятся традиционные формулировки:

«И был в это время мудрый человек по имени Иисус, если нам надлежит называть Его человеком. Он был Мессией. По требованию начальников народа Пилат приговорил Его к распятию, но через три дня Он явился своим ученикам живым. Пророки Божие предсказали это, а также другие удивительные вещи о Нем».

Этот вариант *Testimonium*'а не рассмотрен Ш. Пинесом. Для нашего исследования особенно важно то, что цитата Бар Эбрея относится к сирийской традиции, которой следует и хроника Агапия. Можно, конечно, как и в случае с письмом Абгара к Иисусу, приводимым в его Хронографии, 47, предположить, что Бар Эбрей просто дал сокращенный вариант «свидетельства». Но не исключено, что в таком сокращенном виде оно находилось в его источниках. Следовательно, мы можем предположить, что и Агапий мог получить уже сокращенную цитату, и что фразы о творимых Иисусом чудесах не было в оригинале его сочинения.

Интересно, что в варианте Бар Эбрея, так же как и в арабском варианте, отсутствует последнее предложение традиционного *Testimonium*'а — указание на основанную Христом церковь («род христианский»). Это обстоятельство увеличивает вероятность того, что оба этих варианта восходят к одному источнику, — некоей более ранней сирийской цитате. Предположение такое не противоречит версии Ш. Пинеса, что источником Агапия послужила неизвестная нам сирийская редакция «Церковной истории» Евсевия, а также мнению В. Розена, считавшегося, что Бар Эбрей пользовался данными Агапия.

Сокращенная цитата, приводимая Бар Эбреем, несколько не устраняет христианского характера «свидетельства Флавия». Рассматривая ее, немецкий флавиановед Х. Шрекенберг отметил, что она «имеет столь же мало прав на первичность, как и все другие известные версии, поскольку варьирует все тот же текст христианского Псевдо-Иосифа, наиболее раннюю форму которого знал уже Евсевий, и который, помимо прочего, определялся *locus classicus* христиано-еврейской апологетики»²¹.

Если мы разложим традиционный *Testimonium Flavianum* (греческую «вульгату», по выражению Ш. Пинеса) на составляющие его элементы, то получим следующую картину:

1. Определение Иисуса как мудрого человека;
 2. Обязательное для христианина признание его сверхчеловеческой природы, выраженное словами: «если Его вообще можно назвать человеком»;
 3. Указание на творимые им чудеса («удивительные дела»);
 4. Упоминание о его учении и о многих его последователях из иудеев и эллинов («язычников»);
 5. Центральное определение: «это был Христос (Мессия)».
- Далее несколько восходящих к Евангелиям сообщений:
6. О доносе на Иисуса иудейских старейшин;
 7. Об осуждении его на распятие Пилатом;
 8. О явлении воскресшего Иисуса ученикам;
 9. О ветхозаветных пророчествах о Христе.

И в заключение актуализирующее

10. Указание на основанную Иисусом христианскую церковь.

²¹ *Schreckenberg H. Rezeptionsgeschichtliche und Textkritische untersuchungen zu Flavius Josephus. Leiden, 1977. S. 13.*

Из десяти перечисленных элементов в цитате Бар Эбрея присутствуют семь: 1-й, 2-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 9-й. Арабский вариант Агапия содержит также семь элементов, четыре из которых воспроизведены без изменений (1-й, 4-й, 7-й, 9-й), а три (3-й, 5-й и 8-й), по нашему предположению, видоизменены или отредактированы.

По сути дела, из десяти элементов традиционного «свидетельства» только три имеют принципиальное для христианства значение (2-й, 5-й и 8-й), устранение или изменение которых может повлечь перемену самого духа «свидетельства». При этом элементы 2-й и 5-й взаимозаменяемы: достаточно указать один из них, чтобы тем самым подразумевался и другой. Помимо цитаты Бар Эбрея известны и другие варианты Testimonium'a, которые, будучи лишены некоторых второстепенных элементов, тем не менее сохраняют вполне христианский характер. Таковы варианты Псевдо-Гегесиппа (6 элементов), Созомена (7 элементов), Михаила Глика (только 5 элементов). Но, поскольку все эти сокращенные варианты, тем не менее, включают в себя основные, принципиальные элементы традиционного «свидетельства»²², христианский характер их достаточно выражен, и у нас не возникает сомнений в их прямой связи с канонической цитатой, какой она представлена Евсевием.

Предложим следующую сравнительную таблицу, первый столбец которой содержит порядковые номера перечисленных выше элементов традиционного «свидетельства», а в следующих столбцах показано наличие этих элементов в известных нам нетрадиционных цитатах и вариантах.

№№ элементов	Псевдо-Гегесипп	Созомен	Михаил Глика	Бар Эбрей	Арабский Агапий
1	+	–	+	+	+
2	+	+	–	+	–
3	+	+	+	–	+?
4	–	+	–	–	+
5	–	+	+	+	+?
6	–	–	–	+	–
7	–	–	+	+	+
8	+	+	+	+	+?
9	+	+	–	+	+
10	+	+	–	–	–

Отсутствие в арабском варианте троих из десяти традиционных элементов «свидетельства», а именно 2-го (сверхчеловеческая природа Иисуса), 6-го (донос иудейских старейшин) и 10-го (указание на основанную Христом церковь) не могло бы решительным образом повлиять на христианский характер цитаты в целом. Точно также как не повлияло на характер «свидетельства» отсутствие этих же

²² В цитате Псевдо-Гегесиппа нет центрального определения: «это был Христос» (5-го элемента), однако непосредственно перед тем, как привести Testimonium, Псевдо-Гегесипп сообщает, что Иосиф свидетельствовал о Христе, что подразумевает такое определение. Кроме того, в самой цитате содержится 2-й элемент («если можно назвать Его человеком»), который, как мы отметили, взаимосвязан с центральным (5-м).

элементов, и даже большего числа их у Псевдо-Гегесиппа, Созомена и Михаила Глики. Как было показано выше, 2-й и 10-й элементы, вероятно, отсутствовали и в сирийском оригинале труда Агапия, поскольку их нет в цитате Бар Эбрея, принадлежащей той же сирийской традиции. Вполне возможно, что в оригинале сочинения Агапия отсутствовал и 6-й элемент — указание на роль иудейских старейшин в деле Иисуса. Как видно по вариантам Псевдо-Гегесиппа, Созомена и Михаила Глики, можно было, не изменяя духу «свидетельства», цитировать каноническую «вульгату» и без него.

По существу, вопрос относится лишь к оставшимся трем элементам: 2-му, 5-му и 8-му, которые, как мы отметили, касаются основ христианской догматики и имеют принципиальное значение для церкви. Отражены ли они в арабском варианте, и если отражены, то каким образом? Сомнения в христианском характере этого варианта возникли именно потому, что эти элементы в нем оказались либо отсутствующими (2-й), либо видоизмененными (5-й и 8-й).

Но именно потому, что данные элементы носят теологическую нагрузку, они напрямую затрагивают исламскую теологию и догматику. Они входят в противоречие с кораническими указаниями и вызывают соответствующую реакцию мусульманина (или лица, отчасти усвоившего мусульманскую догматику). Этим, вероятно, и объясняются те метаморфозы, которые претерпели данные элементы, попав на мусульманскую почву.

При этом арабскому переводчику или переписчику хроники Агапия вовсе не обязательно было самому быть мусульманином. Вполне можно допустить, что переводом и копированием труда Агапия занимались арабы-христиане или арабоязычные сирохристиане, одним из которых был указанный в титуле Флорентийской рукописи Са'ид ибн Йуханна. Однако, находясь в зоне господства Ислама, в окружении мусульман, может быть, даже испытывая влияние мусульманской теологии, эти лица сочли необходимым внести соответствующие поправки в переводимый или копируемый ими текст, которые мы и находим ныне, в первую очередь, в пассажах, касающихся Иисуса Христа.

Стоит, наверное, в этой связи отметить, что в арабской хронике Агапия отсутствует какая-либо критика в адрес Ислама. Напротив, в ней содержатся похвальные отзывы о Мухаммеде и его деятельности. Можно только гадать, написал ли Агапий приводимый ниже пассаж, и если написал, то что именно. Там, где хроника доходит до времени возникновения Ислама, мы встречаем такую сентенцию: «И повелел он (Мухаммед) своему народу веровать в пророков и в посланников, и в то, что ниспослал им Бог, а также веровать в Мессию, сына Марйам, и говорить, что он пророк Божий и слово Его, раб Его и дух Его, и веровать в Евангелие, в рай и ад, и в конечное воздаяние» (изд. А. Васильева, II, с. 197 [457]). Эта почти кораническая цитата рассчитана явно не на христианских читателей.

Разумеется, в арабской рукописи можно найти и указать противоположные примеры. Ряд христологических пассажей сочинения епископа Манбиджа в дошедшем до нас тексте оставлен в неприкосновенности, включая и заявления, не согласные с учением Ислама. Выше уже говорилось о христианской формуле «Господь и

Спаситель наш Иисус Мессия», находящейся в первой части хроники. При пересказе письма Пилата, будто бы отправленного Тиберию Кесарю, в котором объясняются природные катаклизмы, постигшие Иудею в момент смерти Христа, сохранена фраза: «все эти вещи произошли вследствие смерти одного человека, которого распяли иудеи» (изд. А. Васильева, II, с. 471 [15]; эти же слова стоят в соответствующем месте у Михаила Сирийца, I, 142), — фраза, очевидно противоречащая кораническому указанию на мнимость распятия Мессии ‘Исы. В другом месте арабской рукописи читаем: «В тот самый день, в который Адам был изгнан из рая, умер Господь наш Мессия, — да будет Он славен! — и был погребен, а затем воскрес из мертвых и взшел на небо» (изд. А. Васильева, II, с. 470 [14]). Остались в арабской рукописи труда Агапия и такие христианские обороты как «распятие Мессии», «день распятия Мессии» (يوم صلب المسيح; صلب المسيح), «день воскресения Мессии» (يوم القيامة المسيح), которые, с точки зрения гипотетического мусульманского переписчика (редактора) также нуждаются в исправлении. Почему же эти фразы и выражения были оставлены? Можно предположить обыкновенный недосмотр или же ограниченность, выборочность мусульманской редакции. Нетрудно заметить, что вмешательство мусульманского переписчика в текст происходит обычно в тех случаях, когда автор приводит свидетельства о Христе историков и мудрецов или цитирует письма правителей. Повествование же самого Агапия если и подвергается исправлению, то минимальному. Переписчики принимали во внимание, что автор — христианин, и отдавали себе отчет в том, что слишком бесцеремонное исправление традиционных христианских формул может вызвать недоверие читателей. Возможны и другие объяснения. Для нашей темы, впрочем, важно не то, что сохранилось от оригинала труда Агапия на мусульманской почве, а то, что было изменено, отредактировано. Вопрос, напомним, был поставлен так: находятся ли в имеющейся арабской рукописи места, исправление согласно с доктриной Ислама? Относится ли к этим местам и «свидетельство Флавия»?

В заключение скажем, что мы не ставили своей целью доказать, что арабский перевод труда Агапия прошел мусульманскую редакцию. Окончательные выводы могут быть сделаны только после историко-филологического и источниковедческого анализа всего текста «Китаб ал-‘Унван», равно как и параллельных сирийских и других восточных хроник. Мы всего лишь хотели показать, что предложенная гипотеза может иметь не меньше прав на существование, чем гипотеза Ш. Пинеса, предположившего, что в церкви на протяжении многих веков существовал наряду с канонической «вульгатой» независимый от нее «подлинный Testimonium», принадлежащий-де перу самого Иосифа Флавия.

В своей работе Ш. Пинес заметил: «Не имеется никаких оснований считать, что версия Агапия была в то или иное время изменена или приспособлена евреями или язычниками для их антихристианских целей. Решающий аргумент против этой гипотезы — то, что эта версия

никоим образом не враждебна Иисусу и христианству»²³. Мы полагаем, что в этом замечании не была учтена возможность мусульманской редакции Testimonium'a, — нисколько не враждебной христианству, но все-таки лишившей «свидетельство Флавия» его ярко выраженного христианского характера, что и создало иллюзию, будто бы так написал сам Флавий.

*Борис Деревенский,
Санкт-Петербург–Гатчина, 2004*

²³ *Pines Sh. Op. cit. P. 22.*